

Кристина Рей

Погоня за искусством в жизни

Кристина Рей

Погоня за искусством в жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72687610

SelfPub; 2025

Аннотация

Моя первая книга – это мозаика из жизней, что я прожила, от рождения до 21 года. Это не просто автофикшен, это честная история о поиске себя в мире, который постоянно меняется. От экзотических пейзажей Шри-Ланки до цирковых шатров Словении, от первых набросков в школьной тетради до завершённой рукописи.

Это рассказ о том, как одна "скользящая рыба" – мечта о книге – ускользала из рук годами, чтобы, наконец, обрести форму благодаря неожиданным путешествиям, встречам и, конечно, качественному отдыху.

Для тех, кто тоже кочевник. Для тех, кто не вписывается в рамки. Для тех, кто ищет похожих и верит, что даже в хаосе можно найти искусство жизни.

Погрузитесь в мысли, зарисовки и закулисы жизни между искусством, где каждый опыт становится частью уникального пути.

Содержание

Введение	5
Глава 1. Начало	8
Глава 2. Экспериментальное образование	21
Глава 3. Шри-Ланка	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Кристина Рей
Погоня за
ИСКУССТВОМ В ЖИЗНИ

"Самое дальнее путешествие – то, что внутри нас."

Введение

Книга о приключении длиною в жизнь

О страшном и прекрасном, о том, как плыть по течению и против него.

Я хочу рассказать и показать вам, что жизнь можно проживать по-разному, и что на одну и ту же вещь можно смотреть с бесконечного множества сторон.

В этой книге я поделюсь своей историей – нет, не бойтесь, это не будет скучная биография с датами и хронологией от рождения до наших дней.

Я покажу вам, где зародилась и с чего началась моя творческая жизнь. Большинство событий я проживала, будучи ребенком и подростком, поэтому эти истории смогут найти отклик и у юных читателей, и у их родителей, которые заглянут в мир глазами ребенка.

Введение

Сейчас, подбирая слова для этой книги, я сижу, закутавшись в плед, допиваю чай с куркумой и слушаю, как за стеной папа с младшим братом спасают нашу веранду от пото-

па. За окном ливень, гремит гроза. Пару часов назад мы ехали из города домой под ясным небом – только облака начинали сгущаться, и я наблюдала невообразимо красивое сочетание золотых полей пшеницы, насыщенной зелени деревьев и темного грозового неба. Облака нависали так низко, что казалось, вот-вот упадут на землю. Одна серая прямая дорога разделяла эти два мира.

Говоря о грозе – это одна из тех вещей, которые меня одновременно пугают, вдохновляют и завораживают. А еще напоминают о детстве. Маленькой я жила у бабушки – половина моего детства, если не больше, прошла в деревне, где живет половина моей родни.

Каждый раз, когда приходила гроза, мы выключали электричество, садились за стол со свечами и проводили время вместе – за разными занятиями, разговорами. Грозовые облака налетали быстро, и если кто-то был в гостях, приходилось дожидаться хорошей погоды. Из-за этого могло собраться несколько семей, но чаще всего это были я, бабушка и дед. А все потому, что бабушка строго-настрого запрещала выходить на улицу во время грозы.

«Гром гремит, земля трясется, поп на курице несется!» – приговаривал дед, считая секунды между молнией и громом. Я до сих пор так делаю – весело.

Помню, когда молния попала в соседний дом дяди. Мы сидели за маленьким столом у окна – я у деда на коленке, он на табуретке, бабушка на другой. За окном сверкало, крыша

дома разгоралась, а ветер свистел через щели окна. Мне казалось, что это место такое маленькое, уютное и защищенное – весь мир умещался в этой комнатке.

Так и у нас сейчас: если идет сильная гроза, мы бегаем по двору, собираем все, что может улететь от ветра, и выключаем всю электронику, которая может испортиться.

Благодарности

Здесь я хочу поблагодарить всех, кто помогал мне и поддерживал, кто учил меня и вдохновлял. За свою жизнь я встречала немало людей, словно с другой планеты – настолько увлеченных своим делом, что рядом с ними становилось тепло внутри.

Отдельную благодарность я хочу выразить своей маме. Она – мой главный критик и главная поддержка. Мой менеджер и агент. Именно она находила моих лучших учителей и дарила самые интересные знакомства. Она часто видела во мне то, что я никак не могла разглядеть сама.

И всем тем, кто научил меня главному: жизнь – это не поиск одного правильного пути. Это искусство находить красоту в каждом повороте дороги.

Глава 1. Начало

Расскажу вам о том, как начиналось мое путешествие в мир под названием жизнь.

Родившись в середине России, я осталась с бабушками и всеми близкими и дальними родственниками в маленькой деревушке, а моя мама поехала в Москву – большой город – зарабатывать.

Забывтое место

Место то сейчас можно назвать только одним словом – **забывтое**. Тогда в нашем селе еще кипела жизнь, сейчас едва тысяча душ наберется. Больше половины домов разрушено или сгорело, а люди стали какими-то пустыми, словно жизнь из них вытекла. Время словно остановилось там, а потом начало идти назад.

Мой первый дом – одна комната, там же кухня, печь посередине, а туалет в предбаннике. Пост-советское время, когда моя мама была ребенком и они переехали сюда из Воркуты – нечего было есть после девяностых. Но дед никогда не давал почувствовать эту бедность. Он был какой-то горой, что стояла за тебя, что бы там ни происходило.

Под одной крышей умещались бабушка, дед, мама и я, а

под боком – целая галерея родственников всех степеней близости. Дом был как матрешка – казался маленьким снаружи, но внутри каким-то чудом помещались все. Запах печки, скрип половиц, голоса, которые никогда не смолкали – это был мой первый мир.

Первые приключения

Когда мне было несколько месяцев, я жила на пароходе и плавала по рекам. Конечно, я этого не помню, но думаю, это было комично – ребенок на пароходе, качающийся в такт волнам. Есть пара фотографий: на одной я плачу, чумахая, упала; на второй – весело улыбаюсь, слезы еще блестят на щеках.

Особенность с рождения – улыбаться на камеру, даже сквозь слезы.

Чуть позже мы с мамой переехали в хрущевки Подмосковья. Серые коробки, похожие друг на друга, но в каждой кое-где горит свет.

Помню, как собиралась в садик зимой: за окном – чернота беспросветная, синее небо проглядывает где-то далеко, холод забирается под одеяло. Меня одевают, пока держат – сижу на кровати; отпустят – падаю обратно, как мешок картошки. Тогда я точно не была ранней пташкой.

Великий побег трехлетней

Потом этот холод кусает лицо, панельки смотрят пустыми глазами окон, мусорки, слякоть – и снова дом, а в нем садик. Мама бежит на работу – у нее все рассчитано по секундам:

«Кристин, быстро-быстро, опоздаем!» Бегом на остановку, маршрутка, электричка в Москву, метро, и после – снова бегом на работу. Жизнь на скорости света.

Но в один из дней после года отработанной схемы что-то пошло не по плану в моем трехлетнем мозгу. Я решила выйти из подъезда второй раз, поцеловать маму на прощание, но было поздно – она уже умчалась на остановку в полной уверенности, что я прямо сейчас поднимаюсь и захожу в садик.

Не тут-то было. Дверь – тяжелая, металлическая, с характерным лязгом – закрылась, а я даже не доставала до домофона. Осталась стоять у двери, как маленький часовой без поста.

«Девочка, тебе открыть?» – несколько человек подходили, спрашивали. Я мотала головой – незнакомцам говорим «нет», это правило номер один. Потом все же решила переосмыслить убеждения своей маленькой головы и зашла в подъезд, когда туда заходил очередной дедушка с пакетом.

Поднялась на один этаж, потом на второй и успешно забыла, какой этаж и какая дверь. У вас бывало в детстве, когда вы вдруг забыли, как ложку держать, или как дышать, не думая об этом, или как язык во рту должен лежать, чтобы не мешал? Ну вот, из той же серии – мозг взял и стер важную информацию.

Несколько раз прошла весь дом вниз и вверх, но память молчала. Пошла обратно вниз – в подъезде эхо от шагов, запах хлорки и что-то страшноватое. Вышла на улицу и успеш-

но исследовала двор еще два часа, пока одноклассника не привела мама – они опаздывали.

Через три часа после того, как мама отправила меня в садик, она получила звонок: «Кристина только что дошла». Тут у мамы чуть сердце не остановилось.

Рай среди взрослых

Работа родителей была моим самым любимым местом на свете. Куча взрослых, которые тебя обожают, гладят по голове и дарят всякие безделушки и вкусности. Мама работала в молочной компании, поэтому сырки в холодильнике и морозилке водились всегда – целый склад детского счастья. А подаренный фартук и колпачок от ручки на веревочке стали моим плащом супергероя и медальоном лет так на пять вперед.

Деревенские каникулы

Каждое лето и зиму я ездила к бабушке в деревню. Место, где время течет по-другому – медленно, как мед с ложки. Я была маленьким хвостиком: посмотреть на водокачку – это любимое занятие, трубы гудят, запах сырого бетона; на тракторе мусор вывозить – сидишь высоко, глядишь далеко; на мотоцикле в коляске покататься на какой-нибудь праздник, а после возвращаться как придется, ведь все взрослые развлекались – только и слышишь, как жены кричат на мужей, а те ругаются на мотоцикл, который застрял; на затон купаться, пока губы не посинеют.

«Кристь, хватит, замерзла уже!» – «Еще чуть-чуть!»

Велик, полотенце и палка – что еще для счастья надо?

Просыпаюсь медленно – пахнет блинами или овсяной кашей, телевизор бормочет что-то про новости. Выглядываю в окно – стадо коз опять жрет наши ягоды. Небо ярко-голубое, такое, какое бывает только в деревне, без городской дымки.

Завтрак под телевизор – я зависала на модных шоу, а дед ворчал: «Что за ерунда показывают». А потом – на улицу, к моему другу-велосипеду. Брала запасы для перекуса, набор юного искателя приключений, и ехала искать змей.

Помню, как нашла дохлую змею и в жестяной банке из-под кофе притащила бабушке. Бабушка терпеть не могла змей и панически боялась – такой крик подняла, что полдеревни сбежалось.

Братская компания

Компанией моей было несколько старших братьев – двоюродных, троюродных, да какая разница. Мы все кочевали между родственниками: к одним на обед зайдем, к другим на ужин, и так весь день по деревне.

«Ну чё, малявка, с нами пойдёшь?»

Меня через силу брали с собой, но если брали – это были лучшие приключения на свете: рыбалки на рассвете, когда туман стелется по воде, походы за гаражи, игры всей деревней в казаки-разбойники.

Первый мопед брата – «Держись крепче!» – и мы летим по грунтовке, поднимая пыль. Надоедливые девчонки постарше выгоняли меня: «Иди отсюда, мешаешь!» Брат тогда счаст-

ливо улыбался и подмигивал им.

Если палкой по голове прилетит – главное не долго реветь, а то убегут без тебя.

Помню, как меня учили кататься на велосипеде. Долго дело не шло – все падала на двух колесах. Но тут купили новый красивый велик.

«Пошли, научу», – говорит брат.

Мне страшно: «А вдруг упаду?»

«Не бойся, я держу», – и толкает за багажник.

Еду, оборачиваюсь – уже не держит!

«Эй!» – кричу, а пока оборачиваюсь, падаю прямо в крапиву. Он ржет, а мне смешно и больно – крапива колется, но я же проехала сама!

На семейных праздниках я была звездой – много конфет, шашлык, мне доставались гостинцы от всех. Все меня любили: «Любимая, самая красивая, самая маленькая, да удаленькая!»

А брату часто меня в пример ставили: «Вот Кристина в твоём возрасте уже то-то и то-то». Мне было обидно за него – зачем меня с ним сравнивать? Он и так чувствовал себя непутевым.

Иногда у меня были подружки, но не всегда у нас складывалось. Я там быстро просекла, как работает детская дружба: «Ты мне куклы дай, а я с тобой поиграю». Я долго могла терпеть такое, а потом накричать и выгнать из своего дома.

Потом все ходят, косятся, зато мне в уши не льется всякая

ерунда. Я лучше на велике покатаюсь.

Строительство нового дома

Когда мы начали строить новый дом, дед аж светился: «Вот тут это будет, а тут то!» Мы бегали по стройке – я за братом, а за ним еще куча девчонок постарше крутились рядом. Ему было не до меня – на кой я ему сдалась?

«Не ходите там, гвозди!» – кричала бабушка.

«Ага!» – отвечали мы и все равно шли.

Как по маслу гвоздь вошел мне в ногу через тапок. Больно, противно. Брат уже тащит на руках в старый дом, бабушка ахает, на пол льет йод, я реву, он испугался. Кошка трется об меня, мурчит и успокаивает – так всегда было с моего рождения. Она была, и пес черный – от всех меня защищал. Они оба очень долго прожили. Он погиб под трактором, а кошку после задрали собаки.

У брата появлялись ссадины, синяки.

«Ты упал?» – спрашивала я.

«Упал», – и улыбается, а мне грустно.

Мы выросли. Я начинала видеть что-то еще. У нас было сложно – брат оказывался часто под перекрестным огнем, ходит, болтается, всем мешает. Мне так сильно хотелось помочь.

Жирафы и баржи

В селе был завод, что делал баржи, а краны, что торчали в небо, получили от меня имя «жирафы». Мы ходили на старые ржавые баржи летом – вода через пробойны и от дождя

заливалась внутрь и была теплой, как парное молоко. Мы там отмокали, как в гигантской ванне под открытым небом, только я маленькая была, а там высоко – спускали за руки, а в конце так же вытягивали.

А зимой, несмотря на строгие бабушкины: «Не смей на лёд ходить, провалишься!», пока она не видела, мы, конечно, шли на замерзшую реку. «Лёд крепкий?» – «Да вроде ничё, держит». Предварительно проверяя, тыкая палкой или ломом, шли на другую сторону искать приключения.

А потом мы поругались. Из-за чего – уже не помню, но я, четырехлетняя, гордо заявила:

«Вот уеду в Москву, там тебя видно не будет!»

И ведь правда уехала через несколько лет.

А сейчас мы с братьями уже не общаемся. Слишком разные стали, далеко живем. Те люди, которые были мне дороги, или ушли совсем, или потерялись в оболочке чего-то нового и не совсем живого.

Может, это я изменилась так, что перестала их видеть. А может, место само съедает людей, превращает в тени самих себя.

Дед – изобретатель миров

Мой дед был изобретателем миров и покорителем невозможного. В 14 лет он сбежал из нашей деревни за старшими братьями в Воркуту – между вагонами поезда, как настоящий беспризорник. Конечно, там братья развернули назад, но дух авантюризма остался навсегда, передался маме, а по-

том и мне.

Потом все-таки добрался до Воркуты, работал шахтером, получил несколько высших образований. Там же, в заполярье, родились моя мама и ее старший брат. Дед создавал вездеходы и картинговые машины, сам придумывал и делал – руки золотые, голова светлая.

А потом семейное помутнение рассудка, как бы я это назвала. Когда маме было 14, они вернулись в ту деревню. Иначе кто бы захотел возвращаться в эту дыру? Но для меня тогда это был дом – место, где тебя любят просто за то, что ты есть.

Там дед работал в «конторе». В семь-восемь лет я уговорила его дать мне настоящую работу: подписывала квитанции, ставила печати – чпок-чпок, разносила по всему поселку. Гордость переполняла – у меня есть настоящая работа!

Он понятно объяснял физику – «Смотри, если так сделать, то бензин пойдёт сам». Но совершенно не умел сидеть с детьми. Слишком много мороки.

Но далеко не все его задумки выходили, как задумывалось. Он был не такой, как все – это было плохо, особенно в той стране, особенно в его время. «Зачем столько рыпаться? Сиди смирно да молчи», – говорили ему.

Сейчас я понимаю – он жил совершенно не в свое время. Таких, как он, тогда не понимали.

Мама – бунтарка

Мама тоже была не такая, как все. Переезд в деревню –

ее худшее воспоминание детства. Из города попасть в эту глушь, где время остановилось. Высокая, глаза большие голубые, буйная – она всегда что-то придумывала, куда-то рвалась.

В 16 поехала учиться в город, потом уехала в Москву работать. Смелая, упертая – наверное, в деда пошла. Она никогда не сидела смирно, всегда искала что-то лучшее для нас обеих.

И правильно делала, что рвалась, а не слушала других. Хотя и страшно было, хоть и внутри, наверное, сидел упрек: «Да что я делаю?» Я как представляю – останься мы там... Да не представляю. Не было бы меня такой, какая есть.

Корни, о которых не знала

Много лет спустя мне приснился сон, который показал то, чего я никак не могла видеть, но он будто через кровь дошел до меня. Я замерзла и шла сквозь деревню, которая была вся-вся в снегу после метели. Ночь, но не темная – одна из тех, когда луна светит ярко и видно все. Остатки снега падали большими хлопьями.

Потом я словно провалилась в другой мир. Нашла вход в снегу, как туннель, который мы строили в детстве. Когда пролезла вниз, там было несколько разветвлений, а впереди – большая дверь, деревянная, яркая и старинная.

Зашла – и оказалась в старинном доме. Не дворец, а скорее купеческая изба. С резными колоннами и брусьями, с половиками на полу. В ней было солнечно – в крыше были

дыры, и солнце заливало пространство. Изба заброшенная, как будто из нее уходили второпях, но вещи остались.

Я шла впереди, а потом появились мама и дети. Мы ходили из комнаты в комнату. В одной висела детская деревянная люлька, стояла лошадка, деревянная машинка и другие игрушки. Краем глаза я периодически видела, как будто дети, которые здесь раньше были, продолжали играть и бегать по дому, пятеро мальчишек.

А потом мы зашли в комнату, которая оказалась библиотекой. Книги были как периоды нашей жизни, написанные и имевшие свои названия. Одна книга была подписана «Приключения Мирона», а автором был дед – Беляев Павел. Мы удивились: как так получилось, что он написал ее задолго до появления моего младшего брата Мирона, а мальчик в книге – один в один он?

От дома исходило тепло и уют, как будто это то самое место, куда ты можешь всегда вернуться. Думаю, это был дом Марии, прабабушки, которую я никогда не видела.

Проснулась с пониманием: корни уходят глубже, чем я думала. У меня было тепло внутри – будто после месяцев пустоты от потери близкого человека я вдруг откопала что-то теплое и родное. Генетическая память хранит то, что сознание забыло. И все мои скитания, все поиски – может, это попытка найти дорогу к тому дому, который я видела во сне.

Болезни и мечты

Я много болела. Пока все остальные спокойно идут впе-

ред, я ползу, волоча невидимый груз. Мама переживала, металась по врачам: «Месяц не встает!» – «Психосоматика», – отвечали.

Но болезни давали время мечтать. Лежишь, смотришь в потолок, а в голове – целые миры. Я представляла вселенные, придумывала персонажей, рисовала.

Сны приходили особенные – целые истории, продолжающиеся ночь за ночью. Огромный дом с бесконечными комнатами, каждая – другая эпоха. Я бродила и знала – это все мое.

Просыпаясь, рисовала то, что видела. Тетради заполнялись странными существами.

Потом будет много разных занятий – танцы, плавание, и даже цирк с акробатикой. Тренеры будут недоумевать: «Вчера пять сальто, сегодня колесо не получается?» Но это уже другие истории.

Школа – новое приключение

А пока пришло время идти в школу. И тут началось совсем другое приключение – с поиском места, где я смогу быть собой.

Первого сентября мама повела меня в школу. Я шла с огромным бантом на голове и портфелем, который казался больше меня. В школе пахло мелом и свежей краской, коридоры гудели от детских голосов.

«Кристина, твое место там, у окна», – сказала учительница Мария Ивановна.

Я села и сразу поняла – здесь все по-другому. Нельзя встать, когда хочется, нельзя говорить,

Школа стала местом, где я училась быть разной. В классе – послушной ученицей, на переменах – защитницей слабых, дома – мечтательницей и исследовательницей.

И постепенно я поняла – быть «не такой, как все» не всегда плохо. Иногда это значит видеть то, чего не видят другие.

Глава 2. Экспериментальное образование

Мое образование можно назвать экспериментальным. К моменту окончания школы я поучилась в девяти разных учебных заведениях – в России, на Шри-Ланке и в Сербии. Была в лагере «Добрая школа» и училась на семейном обучении. Мы часто переезжали и путешествовали, и начало частых переездов совпало с моим походом в школу. Поэтому самое долгое время посещения одной школы было два года.

9 школ за школьную карьеру – это, конечно, показатель моей исключительной одаренности и уникальности. Определенно не признак того, что я просто не умею нигде ужиться. И уж точно не потому, что каждый раз думала: «Ну все, теперь-то точно найду свое место!» – а находила очередную порцию разочарований.

Либо я гений адаптации, либо... нет, определенно гений. Других вариантов не рассматриваю.

Немецкая гимназия: первые разочарования

Мама изучала школы как ученый изучает редкие виды бабочек – с лупой, блокнотом и священным трепетом. Выбор пал на престижную немецкую гимназию в Москве. Туда не

просто поступали – туда проникали, словно в закрытый клуб для особо одаренных. Казалось, что еще можно придумать лучше для ребенка? Не тут-то было.

Первое сентября. Пышный букет в руках, но не для меня. Тугие косы, колготки, которые все время сползали, а руки чесались подтянуть их до ушей каждые пять минут, но нельзя – ты же девочка. Белые банты были будто больше моей головы. Форма, которую мы через бои получали от школы, заставляла чесаться и ерзать – шерстяная юбка, как на еже сидишь.

Как хорошо, что мы уехали подальше от таких норм потом.

Я не хотела идти в школу никогда. А потом научилась болеть. Или болела от нежелания идти в школу – кто знает, где причина, а где следствие? В какой-то школе я проболела больше трети учебного года. Где-то это был бы максимум пропусков, но я правда болела – с температурами, как идти?

Мама сидела у моей кровати с градусником и растерянным лицом. «Опять тридцать восемь», – вздыхала она. А я лежала и думала: может, мое тело просто честнее меня? Может, оно говорит то, что я не решаюсь сказать вслух – что школа делает меня больной в прямом смысле слова?

Учителя смотрели на мои справки с подозрением. Одноклассники забывали, как меня зовут. А я привыкала к тому, что дом – это место, где можно дышать полной грудью, а школа – где воздух становится густым, как кисель, который

я так ненавидела в столовой.

Казалось, что мы нашли для меня место, где я стану тем, кем должна стать. Как же мы ошибались.

Я отходила туда два года. К слову о немецком – через неделю после того, как ушла, я не знала, как перевести слово «Deutsch». И это не потому, что я такая глупая или плохо учила, и не только в преподавателе дело, хотя он тоже несет ответственность. Просто я не могла впитывать тогда эти знания – как губка, которую не выжали. Да и на кой мне сдался немецкий? Я тогда даже представить не могла, что он мне где-то понадобится.

В первом классе я пошла на танцы. К слову, в садике я занималась восточными танцами – костюм от которых, по моему, только недавно оторвали от младшего брата, ведь уже и он вырос из него.

Помню мучительные домашние задания до одиннадцати вечера и то, как в какой-то момент мой мозг просто отключался и отказывался работать. Со стороны это выглядело, будто я выключилась. Мама сидела рядом, объясняла одно и то же по десятому разу, а я смотрела на страницу учебника, и буквы расплывались, как в тумане. Слезы капали на тетрадку, размывая чернила. «Я не понимаю», – шептала я, а мама вздыхала и начинала сначала.

А еще этот чертов гигантский рюкзак, который меня перевешивал! Ужасные, ненавистные первые сентября – море цветов, толпы родителей и ощущение, что ты идешь на ка-

торгу.

Было много агрессии – со стороны преподавателей и учеников. Дети в определенном окружении не фильтруют агрессию как что-то плохое и неправильное. А учителям главное – комиссии все сдать вовремя.

Школа была огромная, а я ощущала себя крохотной среди бесконечных коридоров, корпусов, переходов и актовых залов. Я все время боялась там потеряться. Звонок на урок – и сотни детей бегут по коридорам, как муравьи. Я прижималась к стене и ждала, пока поток схлынет. Запах хлорки, скрип линолеума под ногами, эхо голосов – все это создавало ощущение какого-то промышленного предприятия, а не места, где дети должны учиться и расти.

Сейчас я понимаю – я не вписывалась. Ты вроде пытаешься влиться, как пазл встать на свое место, и вроде подходишь, вроде ужимаешься, но все не то, не твое это, и все. Я правда долго терпела, если кто-то вдруг меня задирали или доставал. Но я не была объектом буллинга – скорее наоборот. После того как я взрывалась, выходили даже драки.

Но самое бесящее было, что учителя вставали на сторону тех, кто «задирали»: «Ты же девочка, води себя нормально!» Думаю, им не хотелось смотреть на то, что происходит, когда они выходят из класса или когда дети уходят за гаражи. Но кого это волнует, правда?

Однако там я занялась балльными танцами. Мне очень нравилось – и танцевать, и очень красивая хореограф. Я даже

выступала один раз. Безумно боялась и тряслась – крошечная я, этот огромный зал и гул голосов, которые нависали надо мной словно туча. Так я себя чувствовала. Но выступила отлично – собрала все силы и волю прямо перед тем, как включили музыку.

На сцене что-то щелкнуло внутри. Музыка заполнила пространство, и я перестала быть той испуганной девочкой из коридоров школы. Я стала танцем. Движения текли сами собой, партнер вел уверенно, и зал исчез. Остались только ритм, свет софитов и ощущение полета. Аплодисменты в конце прозвучали как гром – я даже не сразу поняла, что это для нас.

Каждый переезд – это не просто смена адреса. Это перестройка всей семейной системы. Мама становится главным стратегом и разведчиком: изучает школы, ищет врачей, налаживает быт.

Лицей экономики: учительница-спасительница

Потом мы переехали в Подмосковье. У меня появилась сестренка, и я пошла в третий класс в лицей экономики, политики и права. Длинное название, да? Серьезное?

Директриса была всегда одета в ядовито яркие цвета. Знаете Риту Скитер из «Гарри Поттера» – такую противную тещку с ядовитым характером? Вот это и была моя директриса. Каблуки цокали по коридору как кастаньеты, а голос был резкий, как скрип мела по доске. Дети замирали, когда она проходила мимо.

Зато мне несказанно повезло с учительницей. Она была очень сильная женщина, креативная, со своим подходом к детям. Она учила нас не только языку и математике, но чему-то более важному – тому, как относиться к другим. Тому, чего мне не хватало в предыдущей школе.

Елена Викторовна умела видеть в каждом ребенке что-то особенное. Когда я в очередной раз взрывалась из-за несправедливости, она не кричала «Веди себя нормально!». Она подходила, садилась рядом и говорила: «Кристина, я понимаю, что ты чувствуешь. Но есть другие способы это выразить». И показывала эти способы.

Я могла поддаться общему рвению – но если меня оставляли и указывали, я понимала. Мне легко было поставить себя на место другого. Так в результате мы стали хорошими друзьями с одноклассниками.

Было интересно. Иногда на свободном уроке мы смотрели фильмы. Так однажды я увидела «Оседлавшая кита». Потрясающий фильм! До сих пор при одном упоминании у меня щемит в груди и мурашки бегут по спине. Может, чуть сложный для детей, но именно тогда я влюбилась в китов.

Смотря фильм, мне казалось, что здесь, вечно сером, грязном и промозглом Подмоскowie, мне было совсем не место. На экране – бескрайний океан, величественные киты, девочка, которая понимает их язык. А за окном – панельки, слякоть, серое небо. Я представляла себя на том берегу, где волны разбиваются о скалы, а в воде плещутся гиганты оке-

ана.

Тогда же мы увидели «Историю дельфина Винтер» – про дельфина, который лишился хвоста. Я плакала в темном классе, а на душе было одновременно больно и светло. Больно от того, что Винтер пострадал, и светло от того, что ему помогли, что он не сдался.

Пока мы придумывали новые интересные решения для изучения материала, «Скитер» неустанно ставила козни нашей классной. Так, вместо проекта, который мы делали, потому что весь класс креативный и через проект лучше запоминаем, она яростно утверждала, что по программе должно быть сочинение. Лицо ее тогда напоминало красный перец.

В результате учительница ушла в декрет, а потом ее уволили – не успела вернуться. Вот так несправедливо могут обходиться с теми, кто идет в мир со своим видением. Я всегда буду ей благодарна за то, что она мне дала, за то, что заставила посмотреть с другой стороны.

А через год после просмотра «Оседлавшая кит» я встрети­лась с китами.

Семейное образование: свобода и ответственность

Следующий год мы не смогли больше выдерживать «Скитер». К тому же без крутого учителя оставаться не было смысла – мы ушли на семейное образование. Если это сейчас читают родители или дети, которые хотят учиться дома и путешествовать по миру, знайте – не все так однозначно и просто.

Семейное образование звучит романтично – учишься дома, путешествуешь, свобода. На деле это означает, что мама становится и учителем, и директором, и завучем в одном лице. А я – младшим помощником по всем фронтам.

Мама только и слышит «мама» – я в одном лице и помощник, и источник переживаний. И за здоровье переживает, и за оценки, и за то, что ничего не понимаю, а дисциплина никак не идет. В школе хотя бы можно было сказать: «Это учитель виноват» или «Одноклассники мешают». А тут все на тебе – и успехи, и провалы.

Первые недели учебного года я ходила в самую ближайшую государственную школу в Подмосковье. После «престижной» гимназии в Москве тут было все понятно – образование на уровень ниже, а после неординарного преподавателя – скучно. Перевелась новенькая – я собирала взгляды, симпатичная, переехала и так далее, меня дразнили за любовь к лошадям и за умение делать колесо и перекидки на переменах.

«Смотрите, цирк приехал!» – кричали мальчишки, когда я делала сальто на перемене. А девочки шептались: «Она что, думает, что она особенная?» Я не думала, что особенная. Я просто не могла сидеть смирно, когда внутри все кипело от энергии.

В третьем классе я ходила в эту же школу на занятия по акробатике в цирковую студию. Тренер был строгий, но справедливый. «Если упадешь – встанешь и повторишь», –

говорил он. И я повторяла. Синяки на руках и ногах были как медали – знаки того, что я не сдаюсь.

На семейном образовании у меня появились новые друзья. Мы ездили на какие-то встречи и играли в шпионов – разделялись на группы и прятались по округе и лесу. У всех был маленький шпионский набор с лупами, фонариками и ручками, которые писали прозрачными чернилами. Мы рисовали карты и искали команду и штаб противника.

Это было увлекательно – все время держалась интрига, кто кого первый найдет и не позовут ли нас родители. Тогда я серьезно хотела стать шпионом. Сейчас думаю, как хорошо, что я художник.

Лес был нашей территорией. Мы знали каждую тропинку, каждое укрытие. Строили шалаши из веток, делали тайники в дуплах деревьев. Зимой прятались в сугробах, летом – в зарослях малины. Родители думали, что мы просто играем, а мы проводили настоящие спецоперации.

Помню, как однажды мы так увлеклись, что заблудились. Солнце садилось, лес становился темным и страшным. Но вместо паники я почувствовала азарт – это же настоящее приключение! Мы вышли к дороге уже в сумерках, грязные, с царапинами, но счастливые. Родители ругались, а мы переглядывались и улыбались – у нас был секрет.

В середине учебного года мы уехали на Шри-Ланку, в джунгли к океану.

Самолет взлетел из заснеженной Москвы, а приземлился

в тропическом раю. Влажный воздух обволакивал, как теплое одеяло. Запах цветов, специй и океана смешивался в один головокружительный коктейль. Я выходила из самолета и чувствовала – вот оно, мое место.

Глава 3. Шри-Ланка

Абсолютная разница менталитетов. Шри-Ланка для меня – потрясающее увлекательное приключение, которое я никогда не забуду. Я обязательно приеду в гости еще раз, но жить там не смогу. Полгода там и тогда, и сейчас мне кажутся целой жизнью. Про Шри-Ланку можно было бы создавать еще целую книгу с картинками, столько всего с нами приключалось и столько мы видели. Однако я поделюсь самым-самым интересным.

Помню, как первую ночь не могла заснуть от жары, влажности и бесконечных комаров. Казалось, что все вокруг шевелится и вот-вот заберется на тебя и покусает. Помню, как в полудреме провалялась несколько часов, ворочаясь и отбиваясь от комаров, а потом встала – на кухне мама, видимо, тоже не спалось. И тогда я не могла понять – день сейчас или ночь, сколько времени я проспала и когда это наконец закончится.

Через несколько дней полегчало. Начались самые интересные и экзотические полгода в моей жизни – с прекрасной папайей на завтрак, манго и авокадо прямо с дерева во дворе и самыми необычными приключениями.

Соседи размером с динозавра

Мы научились жить со всевозможными насекомыми исполинских размеров бок о бок. Таракан, выползающий в шок из-под ноги, уже не так сильно пугал. А вараны, приходящие на веранду, стали как ежики, бегающие во дворе – мило шипели, если подойти чуть поближе. Я так и норовила поймать одного за хвост. Это через несколько лет мы узнали, что этим самым хвостом они бьют так, что могут рассечь ногу до кости.

К нам заходила двухметровая змея в дом – занырнула в дырку в стене на кухне, так как сестра играла с камушком, который так ровненько закрывал эту дырку. Змея, должно быть, подумала, что это ее новая норка, а потом металась по всему дому в шок. Мы с сестрой визжали, запрыгнув на сундук, а мама в ужасе прогоняла змею метлой.

Утром мы находили на веранде следы ночных гостей – помет варанов, объеденные фрукты, которые утащили обезьяны. Жизнь была ключом, только не человеческая. Мы были гостями в этом зеленом мире, где каждый куст мог скрывать что-то удивительное или опасное.

Школа без стен

Об образовании на Шри-Ланке. Я пошла там в британскую школу «Thomas Good School» – школу с абсолютно иным подходом к обучению. Вся школа состояла из несколь-

ких небольших домиков с разными пространствами внутри. Был домик IT, домик биологии и химии, беседка с математикой, библиотека, терраса с классами помладше, где изучали местный ланкийский язык. Еще была терраса, где у нас был ланч, и, наконец, главное здание с учительской и несколькими классами.

Классы делились по знаниям ребенка, а не по возрасту. Во время ланча бывало заходила стая обезьян, и кто-нибудь мог лишиться обеда. Обезьяны собирали остатки, если такие оставались. Сначала они приходили с деревьев и залезали на крыши, но иногда могли и спуститься.

Первый раз, когда я увидела, как обезьяна спокойно берет мой сэндвич и удаляется, жуя, я была в шоке. А местные дети только смеялись: «Не клади еду без присмотра, Кристина!» Обезьяны были частью школьной жизни, как у нас голуби во дворе.

В класс меня определили четвертый. Со мной разговаривали на английском и с учетом полученной информации определяли уровень. Со мной училось трое местных ребят – один из них мой друг Кулина, моя подружка Майя (ее мама была местная, а папа итальянец, у них был потрясающий дом у озера, как в сказках), двое братьев-близнецов из Африки, мальчик из Исландии и девочка из Австралии. Вот такой интернациональный класс получился.

Из предметов у нас были письмо, математика, IT, биология, ИЗО, физкультура и ланкийский язык. Самое интерес-

ное – любая тема проходила одновременно во всех предметах. Например, природные катаклизмы – возьмем извержение вулкана. На письме мы писали о каком-то извержении (тут же подключалась история), на математике просчитывали процессы, на IT создавали презентацию, на биологии готовили смесь для извержения вулкана, а на ИЗО делали макет самого вулкана.

В итоге, задействуя все предметы, мы сделали извергающийся красной пеной вулкан. За несколько месяцев обучения я свободно общалась на английском, что использовала следующие пять лет.

В принципе, беря все мое образование, самым любимым было, наверное, на Шри-Ланке. Потому что это был абсолютно нешаблонный подход к образованию, и отношение к обучению со стороны учеников и преподавателей сильно отличалось от общепринятого. Не стояла задача сделать что-то на оценку – только чтобы сделать, только чтобы создать видимость действия. Все было настроено на то, чтобы именно научить ребенка думать, приходить к результату самому, потому что он этого хочет и ему это нужно.

Все преподаватели имели неординарный подход к ученикам – через увлечение приходили к тому, что у ребенка появлялась мотивация и интерес изучать.

Сейчас мне легко об этом писать, так как смотрю немного со стороны, уже другим взглядом. В моменте же мне периодически казалось, что все хотят мне навредить и что-то го-

воят, а я этого не понимаю. Да, я помню, как было сложно коммуницировать с людьми, говорящими на другом языке, особенно осознавая, что меня оставили одну в этой непонятной школе бог знает где.

Тем не менее, кто-то переживает это во взрослой жизни, я же пережила это в одиннадцать. И сейчас это дает мне гораздо больший размах действий и мыслей.

Новая семья

После первого месяца у нас кончилась аренда жилья. И мы что? Правильно, пошли по деревне и расспрашивали у всех знакомых и незнакомых, кто сдает дома. Мама, я и маленькая Рада – нашли местную семью, что сдавали часть дома. Обычно у них жил полгода австралиец, но он как раз уехал.

Мы стали жить у них. Ляль и Падма стали нашими проводниками и почти бабушкой и дедушкой со Шри-Ланки. Мы жили как по традиции уже – в деревне. На что нам скучный отель?

У Ляля был сын, который работал в отеле и делал торты – те самые огромные из мастики. Он был гордостью семьи, и Ляль не уставал рассказывать о его успехах.

Падма готовила нам карри каждый день – острое, ароматное, с кокосовым молоком и специями, от которых слезились глаза. Она показывала мне, как правильно есть руками, как смешивать рис с подливой. «Не бойся, девочка, – смеялась она, – руки чище вилки».

Соседи мило качали головами из стороны в сторону и улыбались – такой ланкийский менталитет. А на деле, как оказалось после, один из них угрожал убить наших собак, если они снова зайдут на его участок. Улыбка улыбкой, а территория священна.

Драгоценные камни – это отдельная история. Шри-Ланка славится своими сапфирами, рубинами и лунными камнями. Мы ездили на место, где добывают и обрабатывают камни. Мужчины сидели в полутемной мастерской и терпеливо шлифовали каждый камень вручную. Искры летели, камни превращались из мутных кусочков в сияющие драгоценности.

Я сама ненадолго стала таким мастером и шлифовала лунный камушек. Старый мастер направлял мои руки, показывал, под каким углом держать камень. Искры от шлифовального круга касались лица, пахло металлом и пылью. А потом из серого невзрачного кусочка вдруг заблестело что-то волшебное – молочно-белый камень с голубым отливом, как кусочек луны.

Город-крепость и первые разочарования

Галле – чудесная крепость-город на самом юге Шри-Ланки. Та самая с обложки моей книги. Момент как из мультика Миядзаки – так и ощущалась Шри-Ланка, ну разве что не так чисто, как в аниме.

Мы гуляли по крепостным стенам. Океан бился о камни внизу, а над головой кружили огромные вороны. В старом

городе узкие улочки, где по столбам и крышам ходят обезьяны, колониальные дома с ажурными балконами и лавки, где продают все на свете – от специй до драгоценностей.

В одной из таких лавок старик-ювелир показывал мне, как отличить настоящий сапфир от подделки. «Смотри на свет, девочка, настоящий камень играет, как живой». И правда играл – синие искры плясали внутри, как пойманные звезды.

Слоны. Тут я осознала боль и страх. Катание на слонах, а после и дельфинарии, и даже некоторые зоопарки стали для меня тем, что я никогда не сделаю.

Мы поехали на ферму слонов. Детский восторг – «Вау, кататься на слонах!» – длился ровно до того момента, как я увидела, что происходит за кулисами. Огромные, мудрые животные покорно выполняли трюки, а когда один из них замешкался, погонщик ударил его крюком. Слон поморщился от боли, но продолжал делать то, что от него требовали.

Их глаза были такими грустными, такими человеческими. Один слон качался из стороны в сторону – так делают животные, когда им плохо.

«Почему он так делает?» – спросила я гида.

«Ему скучно», – ответил он, как будто это нормально.

Но это было не скучно. Это была тоска. Столкновение детского восторга «как круто!» с пониманием того, какой ценой это достается, перевернуло что-то во мне. Я поняла тогда, что некоторые развлечения стоят слишком дорого – не деньгами, а чужой болью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.